

Два шага назад и в никуда

Максим Андреевич Шмуль
Два шага назад и в никуда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65566927

SelfPub; 2021

Аннотация

История расскажет об одиноком человеке, идущем в последнюю вылазку в разрушенном мире.

Максим Шмуль

Два шага назад и в никуда

Глава 1, Лишь одна из точек отсчета...

"Что с нами стало?"

С этими словами пожилой мужчина потянулся в своем гамаке, уютно расположившемся между автоматом с содовой и офисным рабочим местом. Он закрыл руками покрытое глубокими морщинами лицо, чтобы не увидеть яркого света лампы.

Дрожаще-скрипучим голосом он прошептал ту же фразу. Из рта повалил пар. Холод в этом здании был обычным делом – зима выдалась особенно морозной. Но видеть свое нутро от того приятнее не становится; таковы условия жизни в послевоенные годы.

Присев, он достал выдавший виды планшет из сумки и, надев очки, зачеканил в нем карандашом.

"01.02.1956, запись первая

Я скоро сойду с ума. Осталось чуть-чуть. Один и тот

же сон. Все как когда-то, все живы, а я... Живу обычной жизнью. Захожу на кухню: моя жена, Ребекка, сидит, опустив голову и тихо всхлипывает над какими-то бумагами. Когда она оборачивается в мою сторону, посмотреть, кто зашел, то становится... этим. Существом, одним из тех несчастных, населяющих Пустоши. Глаз нет, кожа обуглившаяся, а пальцы рук длинные и ломкие как сухие ветки.

Я пытаюсь сбежать, но она моментально хватается меня за руку. "Что с нами стало, Картер?", – каким-то демоническим, глухим голосом спрашивает то, что осталось от моей жены, пытается смотреть не на меня, а куда-то глубже. Отломив ей руку, я бегу, что есть сил на улицу. Там все только хуже. Все люди начали обращаться. Каждый пустой взгляд повернут ко мне. Душераздирающие крики превращенных, молящих о помощи. Меня. Мне нечем им помочь. Как бы я хотел...

Сон заставляет меня спрашивать себя каждый раз одно и то же. Хотел бы я, чтобы все это было только сном. Жутким сновидением и больше ничем. Я боюсь, что свихнусь раньше времени. Приходится записывать события. Это третий том, а сейчас пишется последний очерк в нем.

Уже прошло четырнадцать лет, а ничего не поменялось, мне по-прежнему страшно надолго выходить из своей

небольшой крепости. Те создания, блуждающие внизу не могут мне навредить пока что. Это не как в идиотских фильмах и книгах старой эпохи, где каждое встречное чудовище пытается тебя загрызть и сожрать с потрохами. Они хуже. И их жаль. Каждый из них просто хочет умереть, но не может, они обречены существовать и ветхо помнить свое прошлое... Однако я боюсь их, боюсь боли, которой они хотят поделиться со мной.

Прошло столько времени, что выживших-то, должно быть, кроме меня и не осталось. Черт побери, почему всё так сложилось? Наивно было полагать, что, дав человеку огонь, я смогу помочь им защитить себя. Они стали своими собственными палачами.

Былого не воротить, а ошибок не исправить. Вернее... Нет-нет-нет. Пора смириться. Их больше не осталось: запасных планов, новых идей. Кончились просто-напросто. Нельзя взять и придумать, как превратить миллиарды чертовых нонов обратно в людей. Я всего лишь человек, к сожалению.

Сегодня я сделаю то, на что долго не решался. Заберу пожитки и уйду вниз навсегда, а там уж...

Если вы тот самый выживший и читаете это, то я ско-

рее всего уже мертв. Меня звали Картер Энтони Дракс, это все из-за меня. Конец записи."

Картер поправил очки, погрузив планшет обратно в сумку. Потирая бороду, он взвешивал несколько секунд все "за" и "против" решения. Стоит ли идти на такое? Можно продолжать жизнь, которой жил, делать мелкие вылазки за продовольствием, инструментами и книгами... Не так плохо для конца света. Но, в конечном счете, такое долгое одиночество ломает человека.

Пошарившись в сумке, Картер вытащил старый заржавевший лом и направился к окну.

Вообще-то, его крепость только и носила название крепости. На деле ею звалось полуразрушенное довоенное многоэтажное здание, кое-как сохранившееся после всех прошлых бедствий. Однако Картеру большего и не требовалось; заколоченные окна и баррикадированные двери – вот, что делает это место безопасным фортом.

Помещение, в котором находился старик, было оборудовано им под склад всего, что удавалось отыскать внизу. Это и груды бумаг с книгами, и электронные устройства, пришедшие в негодность ввиду отсутствия внешних источников питания или повреждения компонентов, и попросту хлам, ко-

торый он не обошел стороной.

С большим усилием он стал отдирать доски одну за другой. Ударивший в глаза свет свинцового неба на секунду ослепил его. Он нерешительно смотрел на этот широкий проем окна, за которым виднелся блеклый рекламный щит, продолжающий говорить о светлом будущем. Чудо, что эта вещь из прошлого уцелела. Только Картер угрюмо посмотрел на него, чувствуя тихую насмешку. *"У нас будет лучшее будущее!"*. Это навевало тоску. Когда-то это было правдой, а стало ложью.

Он глядел сквозь потрескавшиеся линзы на широкую пустую улицу, где уже много лет стоят десятки машин. Некоторые еще могли быть на ходу, но проверять было неоправданно рискованно. Ноны, так называл их сам Картер, могут одурманить даже самый чистый рассудок. Что случается с заманенными – можно только гадать.

Дунувший в вновь открывшееся окно ветер заставил его пожалеть в своей худой одежде и спрятать руки по карманам.

Этот день мало отличался от других. Вот он проснулся, скоро сядет читать очередную книгу, число которых пополнялось из любых мест. Библиотеки, книжные магазины, квартиры и даже крохотные ларьки. Их скопилось тут непо-

мерное количество – делать-то особо нечего. За эти годы он приобрел уйму навыков: от взлома замков и до сборки сложных устройств для выживания, основанных на довоенных технологиях и изобретательности человека, прожившего более полувека.

Дракс сплюнул, в который раз рассматривая эту вывеску.

– Лучшего будущего уже не будет...

Его перебинтованная левая рука нащупала во внутреннем кармане фляжку с неизвестной жидкостью. Опорожнив ее в себя, Картер поморщился и сунул ее обратно.

– Ума ни приложу, как я еще не слетел с катушек? Твори что хочешь и когда захочешь. Сбылась бы мечта идиота. – он хохотнул, продолжая свой монолог. – Не понимаю теперь людей, мечтавших о вечном одиночестве... Еще не вечность, а мне так осточертело. Осточертело настолько, что хочется признать наконец-то – я обосрался, четырнадцать лет назад, и все вокруг... погребло. Бога нет, но я готов поверить, только бы ты дал мне второй шанс. – он свалился на пол, закрыв глаза. – Боже, дай мне шанс. Я стою пред тобой на коленях и молю об одном... – он открыл один глаз. – Впрочем, ничего нового. Справляйся, старик Картер, сам, а я пока посмотрю. Ты всегда так делал! И складывается впечатление, что ты ли-

бо козел, либо тебя нет...

Поднявшись, Картер отошел от окна и занялся приготовлениями. Столько вещей ему могло потребоваться, чтобы только продлить свою жизнь на день или два. Была одна хорошая сторона – есть из чего выбрать. Чего нет совсем в его распоряжении, так это оружия. Оно совершенно бесполезно против нонов, они даже не замедляются им, чего говорить о защите от них. Хотя один предмет всё же давал возможность выкупить лишний десяток секунд.

Он замыслил что-то, глядя на иссиня-черный осколок, похожий на большой граненый липовый лист. Замотал в бумагу, поместил в футляр и убрал в сумку.

Все эти годы он мельком встречался с ними, когда уходил слишком далеко, но теперь пришла пора познакомиться с результатом своей добродетели.

Боясь что-то упустить, он загребал почти столько же, сколько видели его глаза. И через двадцать минут его походная сумка была битком набита решительно всем необходимым. Он поставил ее на пол, после того как убедился, что в силах ее поднять и нести достаточно быстро. Картер потянулся к внутреннему карману куртки и вытащил оттуда прямоугольный свёрток. Какое-то время он смотрел на него, ак-

куратно держа кончиками пальцев, а после положил обратно.

Старик растащил баррикады у дверей, после водрузил себе на плечи значительно потяжелевший рюкзак. Бросив прощальный взгляд на свою старую обитель, он исчез за дверями.

Глава 2, ...истории одного человека...

Шесть этажей вниз, и перед ним открылся знакомый вид. Растительность, проломившая асфальт летом, сейчас зачахла, расположившись по всей улице гротескной серой массой. Нынешние растения сильно отличаются от тех, что изображены в довоенных книгах. То, что создало нонов, изменило весь мир вокруг. Здание, стоящее левее, такие растения оплели вдоль и поперек, сделав его похожим на гигантский черный обелиск, увенчанный скрученными лозами.

"Через год это место будет совершенно не узнать. Эта дрянь растет слишком быстро. Хотя меня все равно тут уже не будет", – подумав про себя, он оставил осмотр местности на темной фигуре вдалеке.

Фигура по очертаниям напоминала человека, наклонившегося над чем-то. Она не двигалась. Решив не испытывать

удачу, Картер посмотрел в другую сторону – намного ближе, чем та, что он увидел первой, стояли два темных силуэта. Присмотревшись, заметил, как они периодически подергиваются. Мгновенно отвернулся.

"Не может быть. Что они здесь делают..? Так, спокойно. Главное – просто не дать им почувствовать взгляд, и все должно быть ладно..."

"Ты нас боишься", – в его голове прозвучала одна и та же фраза и вопросительной, и утвердительной интонацией.

– Я вас не слушаю. Я вас не слушаю! Ла-ла-ла.

"Ты рад тому, что с нами стало", – звучало как в первый раз. Только утомленно.

– Да! Ответ тот, которого хотели?!

Больше он не слышал их голосов. Они выпали из его сознания так же, как и пришли.

Посмотрев на фигуру впереди, он уже не видел в ней человека. Искореженная металлическая статуя и всего. Черная масса на здании слева стала отпадать огромными клочьями, шумно приземляясь на землю. Картер безмолвно наблюдал.

Звук падений дополнили снова явившиеся голоса.

"Хочешь изменить вещей ход, но ты все приводишь к одному", – как будто спрашивая и тут же получая ответ, они продолжали хором гудеть в его голове.

"Ты, у тебя есть решение всех проблем."

– НИЧЕГО Я НЕ ЗНАЮ! Чертовы... Глумитесь надо мной, да? Я столько всего перепробовал... И ничего я не хочу менять, понятно?!

"Для одних ты спасение, для нас – погибель"

С диким скрежетом металла что-то в черном здании упало вниз.

Сглотнув, он медленно попятился обратно к своему укрытию. Рёв голосов заставил его свалиться на тротуар, закрывая уши, из которых потекла теплая ярко-красная кровь, упавшая тут же на снег.

"СУДНЫЙ ДЕНЬ СОЗДАТЕЛЯ"

– Хватит! Прекратите! – ручейки крови били даже из глаз, замутив зрение красной пеленой.

Нечто стало ломиться сквозь стены черного здания, сотрясая все вокруг.

"ТЫ НЕ МОЖЕШЬ БОЛЬШЕ ПРЯТАТЬСЯ"

С большим усилием он начал подниматься на ноги, пытаюсь одновременно выморгать кровь, застилавшую глаза. Первое, что ему удалось увидеть – люк канализации, лишенный крышки. Вторым стало огромное, размером с буйвола, существо, проломившее стену, осыпая все вокруг себя пыльной крошкой и кусками камня.

Бесформенная туша из темной слизи, с желтым кошачьим глазом во все тело, опирающимся на лживо слабые конечности. Оно захватило Картера в фокус. Будто расползаясь, оно быстро вспучило землю бешеным бегом на трех пухлых лапках. Какие-то кривые толстые отростки вздувались волдырями у твари по бокам, меняясь с каждым мгновением во что-то более изящное.

Безмордый ужас взревел, протягивая свои чудовищные черные клинья к Картеру.

Не медля ни секунды, Картер и сжав всю волю в кулак, как можно быстрее полез вниз, слыша хор со всех сторон. Он

стал медленно терять сознание. Его тошнило, а тело слабело с каждым шагом по катакомбам, дребезжащим из-за чудовища сверху. Не выдержав, он свалился на ледяное дно канала канализации. Больше он не слышал ни единого звука.

– А кто это такой, папочка? – зеленоглазая девочка со светлыми волосами и в милом голубеньком платьице указывала вперед на вольер.

Мужчина в отутюженных брюках и рубашке подтянул ее понадежнее на своей шее, следуя взглядом за пальцем ребенка.

– Это, Хлоя, лев. Король всех животных.

– И все животные ему преклоняются? – она потянулась в сторону зверя, пытаясь его лучше разглядеть.

– Не совсем, но многие страшатся.

– Потому что он может не пригласить их на бал? – как замороженная она смотрела на льва, разинувшего свою пасть. Он лениво лег и закрыл глаза, спасаясь в тени от жары.

– Да, дочка, именно так...

Казалось бы, что может случиться при новой вылазке. Еще никогда ранее ноны не реагировали на него настолько резко и озлобленно. Будто чувствуя в нем угрозу, они разбивали его рассудок, но не успели. С кровавыми подтеками он лежал, тяжело дыша, когда каждая лишняя минута могла стать последней.

Эхом где-то далеко послышался детский смех. Звонкий и знакомый.

– Хлоя...

Протяжно застонав и всхлипывая, он подтянул свои ноги и присел. Его трясло. Пальцы совершенно не слушались, а перебинтованная рука, закровив, стала выглядеть еще хуже. Едва вновь не потеряв сознание, он упал на нее. Еще раз испытав приступ жгучей боли, Картер стиснул зубы и поднялся на ноги, прыгая то на одной, то на другой. Сквозь другой люк бил свет, будто в прожекторе стоял он посреди него, пока все остальное оставалось во мраке.

"Назад я уже точно не смогу вернуться"

Смех повторился. Где-то справа.

Пошарился в рюкзаке, достал зажигалку и керосиновую лампу. Чудо, что она перенесла столько и до сих пор была вполне рабочей. Разжигая ее, он увидел множество теней вокруг себя, но отбрасывать их было нечему, однако это не мешало им и дальше оставаться на своих местах.

Закрыв глаза, он шел куда-то вперед, ощущая на себе множество взглядов прямо как в том сне, что видится ему постоянно. Тихо горело пламя лампы, освещая путь и согревая идущего. Разомкнув веки, он увидел мутные огни где-то вдалеке. На все поблизости ложился неровный свет. Тени по-прежнему преследовали его.

– У меня нет того, что вам нужно. Я хочу уйти.

Со всех сторон повалило тихое перешептывание похожее на мягкий шум. Вместе с его шагом шло и время, а шепчущие убавлялись, вместе с тем исчезали тени на древних стенах.

Картер уже достаточно согрелся, когда свет лампы неожиданно погас. Он только выхватил зажигалку, чтобы зажечь огонь, когда робкий голосок остановил его.

– Нет, не надо! Сборщик тебя не найдет, если останешься со мной, в темноте.

Оставшись в крошечной тьме, он лишь сильнее сжимал зажигалку, недоверчиво слушая чей-то писк.

– Он настоящий..?

– Да... Еще долго да. – голос будто чего-то боялся, тихо прибавив, – Ты его задание.

Глава 3, ...свалившегося на самое дно...

Путь по каналам стал ожидаемо неприятным. Ночником светился время от времени его проводник, когда подавал голос и каждый раз слышал он лишь тихое эхо. Если бы не свечение, то Картер счел бы его плодом воспаленного воображения. Точно так оно и было бы. Ноны успели потрепать его разум задолго до утреннего инцидента.

– Так что ты такое? – привыкнув различать тишайшие звуки, он дернулся от своего же эхо.

Существо молчало. Тогда Картер остановился, пытаясь увидеть что-то дальше своего носа. Безрезультатно. Вновь выудил свою зажигалку, высекая искры. Его попытался оста-

новить уже незнакомый голос. Низкий и шумный.

– Не давай волю свету, человек. – ему даже показалось, как что-то появилось прямо за его спиной, выдохнув очень уж свежий воздух. Он моментально покрылся холодным потом. – Или я потушу и твой тоже. – продолжал голос.

Не говоря ни единого слова, Картер пошел вперед, не оборачиваясь. Внутри все сжималось от ужаса. Страх не позволял ему проверить правдивость происходящего, осветить вероятный обман.

За время в пути его тело становилось слабее – ноги подкашивались от холода, а руки сильно дрожали. Привалившись к ближайшей стене, он почувствовал ее пронзительную стужу, его будто примораживало к ней, а желание продолжать путь спадало. Чья-то ладонь хлопнула его по плечу. И еще одна. Немея от ужаса, старик отпрянул от гладкой поверхности.

– Сборщик плохо видит тебя, но хорошо чувствует. Он в ярости... – все эти голоса были разными. Конкретно этот говорил очень раздраженно. – Нельзя опаздывать.

– Куда мы можем опоздать?! – завопил вдруг он.

В глубинах стал прорезаться свет. Склизкие бликующие шкуры змееподобных тварей ошетинились, когда яркая буря разрослась снопом красно-оранжевых искр, заполняющих всё больше пространства. Громкий рык и хруст бетона, ломающегося под огромной массой зверя, разразились по подземелью.

"Задание ведёт неразумный..." – морда с множеством горящих зеленых глаз оскалилась, раскрывшись четырьмя лепестками челюстей.

Страж тоже бросился в погоню.

– К выходу. Нам направо.

– А что наверху? – сглотнув набежавшую жидкость, Картер неуверенно добавил. – Та тварь... Она никуда ведь не делась?

– Ты должен выжить. Мы идем к другому выходу.

Так он и сделал, повернул направо. Его зрению было недоступно видеть здесь, но, опираясь на интуицию, он шагал все дальше. На этом пути он слышал странные звуки: похожие

на цокот бокалов, смех каких-то господ и дам; слышал даже тихий, далекий звук игры скрипки. Картер закрыл глаза. Перед ним явились виновники шума.

В лицо светило заходящее солнце, а он стоял перед огромным праздничным тортом. Мимо него проходили люди, одетые в вечерние наряды. Обратив свой взгляд вперед, увидел смеющийся женский кружок, распивающий нечто явно увеселяющее.

Оркестр играл спокойную композицию, но внимание привлекла скрипачка. Вся она, одетая в легкую белую мантию, из-под которой проглядывали такие же белые локоны волос, была будто сотворена из снега и мрамора. Играла девушка вдумчиво, точно выдерживая партию. Остальные участники музыкальной труппы одеты были в строгие смокинги у мужчин и серые сарафаны, окруженные зелеными поясами, у девушек и женщин.

Когда же они закончили игру, она подняла ало-красные глаза на Картера. Одними губами что-то произнесла.

Кто-то звонко зазвонил чем-то по фужеру, призывая всех ко вниманию. Это был молодой толстоватый мужчина, одетый в темно-синие брюки, в жилете, под которым была обыкновенная белая рубашка, чья верхняя пугови-

ца была непокорно растягнута.

– Еще раз добрый вечер всем пришедшим! – он многозначительно посмотрел на пару, стоявшую около него. — Как вы все знаете, сегодня моя сестренка, Анна, выходит замуж за парня, с которым я побывал в таки-и-и-их передрягах, что и без краски на лице их не рассказать..! – присутствующие сдержанно хохотнули, чтобы не мешать речи.

Картер снова отвлекся на оркестр. Они вдруг заиграли джаз, а вокалист с гордым и самодовольным видом запел густым, приятным баритоном. Поймав взгляд внимательного слушателя, певец даже умножил свои старания.

– Завораживает. Времени нет. Поспешим. – голос внезапно выдернул Картера из чарующего видения. Там были люди! Живые! Он позабыл о всякой боли после того, как в нем проснулось нечто потерянное.

– Что это было? – его голос радостно дрожал.

– Воспоминания. – сказал Ночник. – Мать в каждом из них.

Стены словно пульсировали, позади замигали огни вспышек, а между ними проскакивала чья-то тень.

– Сборщик. В борьбе. Впереди лестница. Хватайся. – быстро, но без эмоций говорил голос.

Картер подал руку вперед и в тусклом свете сверху нащупал до боли остужающий пальцы металл лестницы. Схватился и рывками полез вверх. Пока он карабкался, по нему снизу прокатилась горячая волна, обжигающая обмороженные части тела. Он болезненно стиснул зубы, но удержался. Одним движением отодвинул люк канализации. Сверху посыпался снег, а в глаза хлынул мягкий, но слепящий свет заката.

"Сколько же я там провел..?"

Выбравшись наружу, он сел на разломанную плитку тротуара, на котором расстилались черные лозы. Разрушенные здания вокруг, громкий свист ветра и бессильный рев твари внизу. Он зажег фонарь, отставил его в сторону, а после посмотрел в катакомбы. Увиденное словно печать вошло нестираемым пятном.

Огромный многоногий монстр, отдаленно напоминающий паука, смотрел на него всем своим роем светящих зеленым глаз, что-то перемалывая в странной челюсти, набитой иглообразными зубами со стекающей с них дымящейся черной гущей. Его серая шкура лоснилась в луче света. Он

жутко тарасился прямо в глаза, молча и не мигая. Но скоро трещащим, омерзительным визгом эта тварь вдруг яростно завопила и будто не из-под земли.

– Я БУДУ ИСКАТЬ!

Картер лишь молча сдвинул крышку люка на место. Облегченно выдохнул, достал сигарету, запалил и, восстанавливая сердечный ритм, выпустил дым. Рев, призывающий его вернуться, не прекращался и казался еще ближе. Оно гневно прыгало вверх, гремело и царапало стены, пытаясь пробиться наружу. Тщетно, но усердно.

Он оставил сверху на люке тлеть сигарету, остаток пачки просто бросил рядом. Дым не успевал подняться, лишь стелился по снегу. Он размял шею и плечи, поправил рюкзак и пошёл дальше, мысленно благодаря за проводника.

Глава 4, ...чтобы в очередной раз подниматься...

Улыбаясь собственной удаче спастись от стража подземелья, Картер брел по руинам погибшего города. Вблизи постройки были еще хуже. Растерзанные железобетонные конструкции сохранили только свой костяк, покрытый снегом, который щедро одаривало на краску заходящее солнце. Набравшийся сиреневого и розового в закатном свете светила

сухой от крепкого мороза снег хрустел под ногами, и его цвет менялся с исчезающими закатными проблесками на синеватый. Наступала темная пора.

Ветер будто полный ненависти к старому отшельнику разогнался и попытался сорвать с него оставшееся тепло, но Картера беспокоило иное: где укрыться во время разгула чудных созданий? Последний, кто вошел во тьму, исчез, лишь сойдя с порога. Тогда клубы сизо-черного дыма закружили его тело и ни единого звука за тем не последовало. По крайней мере, это рисовала память. Даже если это был бред, старик помнил об этом и бежал к ближайшей уцелевшей многоэтажке, бренча всей своей утварью и слыша чью-то медленную, но громкую поступь позади.

С сильной одышкой он влетел в развороченный дверной проем. Дверь, судя по отметинам на ней, кто-то то ли разгрыз, то ли разодрал, оставив от нее только скрюченную металлическую пластину. Что было сил он потащил ее на себя, и она, поддавшись, со скрипом раскрылась. Такими же невероятными усилиями она была снова захлопнута.

За то время, пока дом пребывал в разорении, на лестницу подъезда изрядно намело снега, ставшего белесой дорожкой, провожающей на верха. Осматриваясь, Картер везде видел застывшую разруху: разбитые углы ступеней, прикры-

тые снежной крошкой обломки отделки стен и потолка. Кирпичная кладь замурованного хода проглядывалась на следующем этаже.

Местами двери в квартиры были распахнуты. Было достаточно бросить короткий взор, чтобы заметить простую вещь. Станный порядок. Будто кто-то приходил и смахивал пыль с древней мебели, заново раскладывал все вещи по местам. Случайно думалось даже, что хозяева вот-вот вернуться. Вон лежит на свежем красном диванчике чье-то черное пальто, а вон на крючке в парадной висит шляпа. Где-то стучали часы. Тик-так, тик-так. Вещи ждут своих хозяев.

Чем дальше он смотрел, тем скорее ветшал этот призрак. Диван побурел и облез, а пыль тяжелым слоем упала сверху на пальто, сделав его уже серым, грязным. И стало снова тихо.

Картер только хмуро составил брови, недовольно выдохнул и пошёл дальше.

Этаж за этажом затхлый воздух помещения наконец-то сменился на пронзительно свежий и чистый. Лишь взобравшись на самую вершину здания. К счастью, видимость была достаточной, чтобы прикинуть маршрут на до ближайшей возвышенности.

– В километре есть собор, оттуда и преодолею границу этого ледяного ада... После рассвета. – он бубнил себе под нос еле слышно с трепетом и небольшой дрожью в голосе. – Сейчас занять одну из квартир и ждать утра...

Вскоре солнце вспыхнуло прощальным лучом. Гробовой крышкой тьма накрывала всё кругом. Дома, улицы с их дорогами, занятыми застоём приросших к земле машин, и ржавые фонари, что давно не льют света. Тьма переставала быть пустой. Город просыпался в гуле стонов тысяч и тысяч уставших.

Не дожидаясь того момента, когда его кто-то успеет заметить, он поторопился обратно к выходу с крыши. Но что-то заставило его замешкаться. Что-то уже наблюдало за ним бесчувственным взглядом, полным беспамятуства. Он медленно развернулся. На самом краю крыши сидел некто, подложив руки под ноги. На нем не было никакой одежды кроме рваных, изношенных брюк. Лица не было видно под длинными волосами. Как и не было видно глаз, но Картер точно чувствовал этот пристальный прищур. Пятясь назад, рукой нащупал ручку двери. Скрип. Юноша всё ещё смотрит. Всего момент на осознание происходящего: он откидывается назад и исчезает за краем.

Дальше всё было как в тумане. Спуск на этаж ниже. Щелчки взломанной двери. Запирание изнутри. И снос всего, что удалось сдвинуть с места достаточно далеко, к дверям. Виски пульсировали от страха, а во рту ощущалась сухость. Хотелось дышать больше и глубже, но не получалось – дыхание перехватывало.

Картер сидел посреди комнаты и не мог вспомнить, когда успел заколотить окна. Воспоминания будто стерлись, стоило им появиться. Он медленно приходил в себя, тихо нашептывая считалочку: “Утром взбешенный, днем орошенный, вечером спящий, в ночь смотрящий...”. Ум прояснялся, память и чувство реальности возвращались к нему.

– Боль действительно можно заглушить...

Мужчина в полушубке устроился поудобней среди хлама комнаты, дверь в которую недавно заставлял имуществом бывших хозяев. Окна уже подготовлены, глухо заколочены: та же древняя мебель послужила сырьем для досок. Казалось, что в этой комнатухе даже холод за дверь не пройдет, но в действительности лишь скромная лампа, укрытая железным колпаком, давала возможность хотя бы не дрожать лишний раз. Через крохотное отверстие колпака пробивался тонкий желтый луч, падая теплым пятнышком на облезлую стену. На ней местами сохранились выцветшие обои, но

в основном видна была только серость да трещины старого жилища.

– Отказаться от боли было бы большой ошибкой... – тихо шептал он, пока снаружи, внизу что-то грохотало. – Наверное, сегодня моей удаче пришел конец... Лишь бы они не нашли.

Видение образа у люка отзывалось в его груди сильным биением сердца. Лицом к лицу с монстром. Зеленые глаза, что жгли насквозь из пучины мрака катакомб... Парень, падающий в пропасть...

Картер убрал окровавленную обмотку с руки. Вся она в шрамах от сигаретных ожогов – новых и старых – поблескивала жиром. Прислонив сморщенную руку к горячему щиту лампы, он скорчился от боли. Достигнув своего пика, резкость исчезла, осталось терпимое жжение. Лик чудовища откинуло обратно, в прошлое.

Достав из рюкзака пару склянок и бинты, пролил одну из них на свежий ожог. Затем зачерпнул мазь, растёр. Проверил кровившую рану – швы не разорваны. Проверил на отсутствие нагноения, а после продезинфицировал. Извлёк чистые бинты из бумажной упаковки. Осторожно замотал, завязал, устало выдохнул. Вернув все вещи на места, оперся

на слишком тяжелый для составления баррикад комод.

Выжить всегда можно, если не пускать ни одного из них в свою голову.

Глава 5, ...ища спасения от монстров...

Спать пришлось на полу – так шуму меньше, если ворочаться. К тому же матрас, взятый когда-то давно в одном из опустевших магазинов, выглядел не то что жалко, он остался просто до жути измазан в пыли неизвестно сколько времени, вся же его материя протерлась грязью. находка для любителя антисанитарии.

Он раз за разом прокручивал в голове все моменты дня. Их было очень много, потому всё это казалось ненастоящим. Нападение нонов, подземные хождения и то... Воспоминание с людьми.

Его переполняло странное горькое чувство, накатывающее по вечерам. Страх за уже произошедшие вещи. Случилось и не вернуть. словно возвращение к проигранному спору или игре, когда у тебя были все карты на руках.

Глядя на руки, старик всё не мог понять: неужели то было только каким-то наваждением? Ему ведь не привиделись

собственные движения, реакция того певца. И запахи, и звуки. Кто была та девушка в белом? Что она сказала? Он напряг память, пытаюсь припомнить больше деталей, однако от него ускользало всё больше и больше, пока не осталось ничего кроме музыки. Та скоро тоже принялась замирать в разуме, словно музыканты сбавляли темп с каждым разом все больше, покуда не слились кривыми звучаниями с дикими завываниями за окнами.

Сквозь всё то постороннее вокруг он слушал, казалось бы, беззвучное пламя, припустив голову на матрас. Возможно, он сошел с ума, даже не заметив этого занятого изменения в себе, но это шипение керосиновой лампы ему казалось все равно более реальным, чем все, случившееся за день.

Его слух уловил нечто чужое, неправильное. Услышанное нарисовало образ ломающихся черных ветвей да так, что его пробило на дрожь и до боли знакомую вспышку холода от спины до ног. Нечто из повторяющегося сна уже рыскало где-то рядом. Нервный глоток опустил слюну вниз по иссохшей глотке.

В рюкзаке он живо нащупал и явил миру широкий цветной футляр сантиметров двадцать в длину. Когда крышка была снята, было видно даже в потемках, что на дне лежит убранный в бумагу предмет. Картер развернул его. Абсолютно черный предмет, отдаленно напоминающий своей фор-

мой кисть руки или лист липы; он не блестел словно кусочек подлинного мрака. Изъяв его из упаковки, он поднес черный силуэт к тонкому лучу света, пробивающегося из-под колпака лампы. Клинок был непрогляден, а свет вяз в его толще как в смоле.

Что-то громко шмыгнуло по лестнице наверх.

“Черт, оно здесь.”

Сорвав жаркий заслон, отбросил с грохотом его в сторону и очень быстро приложил лезвие к лампе. Огонь жалобно попытался отстраниться, обогнуть что-то чужеродное. Черный осколок безжалостно пожирал его, втягивая в свое нутро, до тех пор, пока полностью не погасил. Темный клинок в руках старика будто бы благодарно засиял голубым пламенем из всех своих трещин. В сиянии он показал свой неровный, вспученный как расплавленная стеклянная глазурь образ.

“Вылезай, дрянь”, – подумал он сердито.

Он смотрел на эту заставленную дверь и прямо чуял за ней кого-то. Пускай оно и могло слышать его, но ведь это сумасшедший дом, тут многие звуки поддельные. И, будто вторя его мыслям, этажом выше заработало радио.

“Всем доброе утро! Сейчас 7:30 утра и сегодня с вами Тед Флетчер, и могу вас заверить – погодка вас ждет в этот день неприятная. Берите зонты, друзья...!”

Тварь забарабанила ногами по лестнице куда-то наверх. Картер тихо выдохнул. Уже возжелав снова зажечь лампу, но тут же с досадой припомнил, что поторопился и не отделил огня от самого устройства, а потому вместо нее на полу лежала горсть черного песка, пропитанная не сгоревшим керосином. Прикинув, что с этим можно сделать, Картер все же удовлетворенно хмыкнул, а после сел на пол напротив двери, сжимая в руках орудие, мерцающее ярким синеватым пламенем. Свет от него то еле касался вещей вокруг, то уверенно ложился на них. В глазах старика и очках, отражаясь, он будто раздувал давно потухшую искру, согревая не столько тело, сколько остатки души.

Целый час рассыпался в прах. Стало пугающе тихо. Пусть ветра и угомонились, но по всему зданию где-то билось эхо событий прошлого. Оно то удалялось, то вновь было уже прямо за дверьми. Стояло, шептало и подглядывало в щели досок. Картер старался не думать об этом. Нельзя пускать в голову того, что тут происходит.

Зазвонил телефон. В его красной скругленной трубке никто точно не мог ждать ответа. Навязчиво и громко он просил подойти к себе, звал громко своим дребезжанием. Он был прямо перед ним. Он не мог звонить. Здесь ведь нет и намека на электричество. Картер медитативно задышал.

“Этого нет. Этого нет.”

Вдруг что-то встряхнуло комнату, и вся шаткая мебель разом свалилась со своих истерзанных временем и сыростью ног. Взлетевшая пыль волной обрушилась на свое новое место, но часть также оставалась парить в воздухе, делая его удушливым и грязным. Ошарашенно старик смотрел по сторонам. Бордовый в свете синего клинка телефон, свалившись и с тумбы под общий грохот и разбившись, тоже заткнулся. Снова тишина.

– Разве это правда? – заговорил знакомый женский голос из трубки. – Не ври себе, милый. Я так скучаю по тебе. Даже сейчас.... Ты же помнишь меня?

Он с ненавистью посмотрел на этот телефон. При падении у него треснул корпус, вывалив наружу искусственные внутренности. Что-то бегало в этих цветастых проводах, схемах и оно говорило с ним.

“Галлюцинация. Я не верю.”

– Милый, он идет за тобой... – испуганно было брошено ему. – Ты должен бежать! Верь мне! – умоляюще просил голос. – Милый, прошу!

“Прочь из моей головы, чудовище.”

– Что с тобой стало? – безнадежно спросил голос. Послышались гудки.

Видение кончилось. Всё стало на свои места, как и было. Целый старый телефон на тумбе, ни намека на недавний бедлам. Сумасшедший дом заговорил уже другими голосами и в другом месте. Картер уже не слушал, что творится вокруг. Он помнил этот голос спустя столько лет... Нет, ее больше нет.

Положив клинок себе меж ног, Картер вытащил перемотанный желтоватыми веревочкам сверток из своей куртки. Потянул за петельку. Размотал. Снял упаковочную бумагу.

Это было старое фото. Фото женщины с короткими светлыми волосами. Она улыбалась ему со снимка милой дугой губ. На черно-белом фото ее карие глаза казались совершенно бездонными. Он слабо подтянул уголки рта на постаревшем лице.

“Только ты настоящая.” – подумалось ему с падением одинокой капли.

Проклятьем или большим везением было оказаться в этом гнезде безумия? Никого ведь нет за дверьми только потому, что эти мини-спектакли разыгрываются повсюду, создавая неразбериху. Но иногда уже просто не хочется бежать. Хочется увидеться с теми, кого так давно потерял. Пускай они и призраки, пускай...

Ведомый незнакомым порывом он встал с колен и, пробираясь через завал, приблизился к дверям и со всей силы ударил ладонью по ним. Короткий глухой звук разнесся по этажу. Снова громкое “бум” заставило слететь штукатурку у рамы прохода. Он вернулся обратно к сгоревшей лампе и чиркнул спичку.

Оно услышало. Сломя голову, оно прибежало к дверям и начало ломиться внутрь, разрывая доски на щепки, заглядывая своими смольными бусинами внутрь. Оно видело этот странный свет посреди комнаты и желало наброситься на него, клокоча пастью.

Дверь не выстояла и в конец развалилась на куски, впуская мерзкую тварь в чужие покои. Там вновь воцарилась ти-

шина. Со стуками когтей на лапах оно пробиралось дальше, но внутри ничего не было. Так и было, пока оно не наткнулось на зияющую дыру в полу и яркий синий свет в глубине другой комнаты. Двигаясь на свет во мраке пролома, оно юркнуло головой вниз, протягивая ее на длинной шее. Что-то упало в углу.

Оно нырнуло всей своей некрупной тушкой внутрь. Четыре лапы так по-кошачьи мягко запружинили при падении, но воздух здесь уже пропитался пылью, бьющей по чутью твари. Скрип позади неё, и что-то горячее вонзается прямо в шею темному существу, заставляя его с громким воплем биться в агонии и рваться наружу. Прочь от опасности прямо в дыру наверху. Оно схватилось когтями за верхний край, но что-то уволокло вниз.

Картер вылез из вмонтированного в стену шкафа и отряхнулся. Из глубин дыры слабо пробивался уже зеленый свет, а где-то внизу отвратительно хрустело.

– Ты же не думаешь, что я не знаю о тебе? – пророкотало нечто снизу. – Я бы не хотел допустить твоего непонимания ситуации. Сейчас. – несмотря на то, что голос шел снизу, он раздавался одновременно будто и отовсюду. – Ты можешь попробовать убежать, мое задание, до тех пор, куда я не успел тебя увидеть. – голос с рычащего обратился в тон

светского джентльмена.

– Почему не прикончишь? – вместе с паром выдавил из себя Картер.

– Ты напомнил мне, кем я был... Но ты ведь не помнишь, кем был я? Войди в лабиринт. Убей минотавра... Не позволяй нам забрать тебя... – последние слова оно прорычало, теряя маску разумности. – Беги... И ни за что не оборачивайся...

События быстро понеслись. Кадр. Выскальзывание из квартиры. Кадр. Огромная мертвая туша, смотрящая прямо на тебя за дверьми внизу. И бег.

Страх повелевал им, заставив оставить все собранные вещи там и бежать в уже предстарческие годы так быстро, как только можно. Быть может, это был тот самый Сборщик. Исполнил ровно то, что пообещал, и нашел. И уже не отпустит. Всего лишь играет как с какой-то полузадушенной мышью, которая все пытается спастись стоит коту лживо отвести свое внимание от нее. На этот раз всё уже предрешено.

Картеру виделось будто в темноте дрожали дома, покрытые сплошь и рядом этой черной дрянью, стекающей в лозы прямо на улицы, распространяясь и сплетаясь между собой. Машины, мимо которых он бежал, тоже были в этом представителе местной флоры. Вся обивка, вся конструкция была в похожа на один черный силуэт.

“Черное. Черное. Черное. Как же достал этот цвет...”

Пускай Картер не поворачивался, но он чувствовал на своей шкуре чужое пристальное внимание. Где-то неподалеку эти зеленые жадные глаза сверлили его и чего-то жаждали. Не крови и не плоти. Им требовалось что-то другое.

В беге, несмотря на невыносимо холодный воздух, ударявший прямо в лицо, он думал и вспоминал те кошмары, что предпочел забыть и оставить место для новых...

Оставалось всего метров пятьсот, и он вне черты это жуткого места. Вон уже вдали под густотой слез, выбитых холодом, виднеется въезд, умощенный разношерстными машинами. Ещё дальше – собор.

Без оглядки, без шанса на отдых он мчался, жмясь к зданиям. Любой случайной кармашек в здании сейчас будет кстати. Но он споткнулся и завалился за одну из машин. Зажав рот рукой, он сопел, и рефлекторно его грудь вздымалась ради глотка воздуха.

Он лежал и внимательно слушал. Если повезло, то ничего не подаст голоса кроме ветра. За обнажившимся шумом, прочих звуков не было. Тишина звенела как роса на паутине.

Полминуты миновало. Минута. Он не шевелился. Еле-еле дышал, чувствуя, как подпирает в горле и на языке железом. Хотелось раскашляться.

Сзади, где-то вдалеке от него пошатнулась машина. Снова ничего. От нехватки воздуха сердце сильно трепалось в груди и билось, оглушая и принуждая дышать хоть немного чаще. Он сглотнул. Боязно было двигаться или пытаться осмотреться. Неприятное ощущение чужого взгляда не покидало.

Так прошло ещё полчаса. Снег под Картером таял, одежда промокала. Он время от времени закрывал глаза, но тут же видел рой других. Светящиеся зеленые по краям с белесыми как перегретый металл кляксы на месте зрачков. Сомнений почти не было: оно ждёт, пока ещё помнит о нём.

Вдруг он понял: это было другое чудище. Ноны едва ли способны настолько долго сохранять свою память. Не повезло встретиться ещё одного Сборщика в доме. Но о чём он говорил? Неужели они когда-то были знакомы? И что за минотавр? Какая-то тарабарщина. Странно было и то, что он предупредил его.

Ответы бы не появились сами собой, потому он закончил

думать об этом до другого удобного случая.

Вдруг грохочущий, полный боли и ненависти рык пронёсся над улицей. Видения скоро прекратились.

Обождав ещё пару минут, он встал и, не оборачиваясь, ушёл в ночь искать другой ночлег.

Глава 6, ...среди обломков истории...

Тяжело выдохнув, он всё же отвалил от себя серый давно истлевший за годы под солнцем и дождями поддон. Ночь миновала, идти было безопаснее, а вчерашняя стычка у Фор-та более может не занимать внимание. Конечно, были мысли и догадки были, почему именно в тот день и час ноны организовано не обошли стороной его, но домыслы и паранойя по-прежнему оставались недостижимой роскошью полной безопасности. Маршрут требовалось перестроить: движение под землёй больше не представлялось возможным из-за засевшего в канализации Сборщика, а в окрестностях может сидеть в засаде встреченный в доме.

Сборщики были преимущественно территориальным созданием и не заходили на границы прочих Сборщиков, однако могли мигрировать на свободные пространства. Возможно, вчерашняя встреча случилась с постояльцем дома,

которого потревожили, разрушив потолок прямо над его логовом и приведя туда чужака. Что достоверно заставило его не атаковать Картера – всё такая же бредовая загадка, как и речь монстра.

Картер размялся, похрустывая суставами рук и ног. Они замерзли за часы, проведенные в одном положении во время сухой вьюги. Правда, позволить себе бежать дальше любого скудного укрытия ночью подобно непреднамеренному самоубийству. Пальцы нехотя двигались, мышцы терпимо болели. Можно было попытаться осмотреться через щели поддона.

Снаружи всё ещё мело. Снег летел, и за ним близстоящие здания казались серыми миражами. В такую погоду идти тяжело. Кусок галеты продолжал давать силы, но бестолковый тревожный сон отдыха не принёс, поэтому представить себе вылазку во время такого снегопада было затруднительно.

Он снял со спины рюкзак, неловко достал оттуда ещё одну часть разбитой галеты и принялся жевать безвкусный кусок собственноручно спеченных вместе муки и воды. Хранились они чрезвычайно долго и, в общем-то, только за это и ценились стариком.

Хотя здесь и удалось переждать ночь, оставаться долго

на этом месте не давала погода, ещё не так давно не свойственная для этих мест. Температура время от времени падала ниже минус двадцати, однако, к счастью, нормальная установилась немного выше минус десяти. Но со вчерашнего дня всё сильно испортилось вопреки установленному прогнозу на три дня. Создавалось впечатление, что именно в эти дни вся математика, статистика и физика решили подвести своего адепта, поставив в совершенно глупое положение. Ко всему прочему дела ухудшались состоянием самого Картера. Длительная изоляция сильно изменила его. Равно как и погода зимой, его мышление шло от плохого к ругательному и обратно, что и приводило, порой, к импульсивным решениям вопреки всем трезвым убеждениям, сохраняющим в безопасности.

Наконец, он узнал местность по призрачным силуэтам. Левее от его позиции должен был находиться собор, откуда можно было бы разведать местность и на недолгий срок остановиться.

Водрузив вещи на плечи, покинул привал и, пригнувшись, медленно пошёл в сторону собора, вглядываясь в снежное марево.

Сильно повезло не встретить никак проблем ни по пути, ни внутри. Слабый утренний свет бил сквозь местами уцелевшие окна. Казалось, место не восприняло никаких изменений в мире и оставалось всё таким же островком надежды для несчастных. Он прошёлся вдоль скамеечных рядов, сел на одно из мест и о чём-то молчал. Спустя какое-то время встал и отправился на верхние этажи.

На самом верху ветер ужасно задувал и ничего не было видно, поэтому он решил спуститься и переждать выюгу в одном из жилых помещений, где ему бы не грозило встретиться ни с одним из прежних обитателей города.

Там он разложил на полу карту, сверил, насколько отошёл от курса. До границы города было ещё далеко, идти было возможно только по проверенным тропам, что тратило время, но давало шанс выбраться отсюда в целости.

Ближе к обеду погода могла поутихнуть, и тогда бы получилось больше пройти в светлые часы. Усталость шумела в ушах. Он извлёк одеяло из рюкзака, улёгся на деревянном полу, укрылся и наконец уснул.

Глава 7. ...найдется путь домой.

Сон был пустой, глубокий и долгий. Он встал, убрал вещи

на место, и направился наверх.

Вьюга миновала, и пред ним предстал вид снегов, многоэтажные дома так сильно напоминали горы с шапками. Небо было всё ещё затянуто облаками, но, оценка освещенности говорила о времени, приближающемся к обеду. Он развернул карту, сделал несколько пометок. Свернул её и спустился.

Здесь, при всём желании, не получилось бы надолго задержаться – банальная ограниченность продовольствия. Поэтому он собрал вещи и направился по проложенному маршруту.

В этих окрестностях в последний раз он бывал ещё, наверное, в прошлой жизни. Неизвестно, намеренно ли он вышел именно на эти улицы или инстинктивно, но разорванный ранее в пух и перья план скорее говорил об очередной случайности.

Здесь не было ни единого нона. Полотно штиля. Волнение в Картере тоже куда-то исчезло, и он позволил себе помечтать об отложенных в историю днях.

Давно он жил здесь со своей семьёй, где-то в одном из этих домов. Он всё вспоминал и вспоминал. Даже впервые по-настоящему улыбнулся. Казалось, он слышал голос Хлои. Когда они жили здесь с Ребеккой, их дочь была совсем малышкой. Ему самому было только двадцать два. Хорошее время.

Ребекка была просто очаровательна, когда они впервые встретились. Совсем юная, но внимательная и порядочная. Должно быть, ей было около шестнадцати. Самому Картеру было примерно столько же.

Замечтавшись, можно было даже забыть о всех сугробах и холодах вокруг и представить раннюю весну. Он закрыл глаза, рисуя в голове затертый временем образ. Её лицо. Лицо их дочери. Простые разговоры, смех и улыбки. В этих грёзах он охотно растворялся и неизвестно было, от тоски или счастья лились слёзы. Все прочитанные книги, все сочиненные дневники ткали нежное воображение, в котором находился светлый приют даже после лет в заточении. Наверное, только сейчас он просыпался ото сна и возвращался по-настоящему к жизни.

Если открыть глаза, наваждение исчезнет? Нет, дело здесь не в крепко или нет зажмуренных глазах. Он мечтал, тянулся к свету, сколько позволяли силы. Открой глаза и ничего не

изменится. Как не уходят кошмары, так радость тем более никуда не испарится.

Уже несколько месяцев ему снился один и тот же сон. Сколько ужасный, столько и огорквелый. Но вот он идёт по той же улице из сна. И всё по-другому. Вспоминается совершенно иное. Безднадежность и слабость – куда-то прочь.

Таким ли честным был тот сон? В голову приходило, что сейчас, стоит открыть глаза, он окажется у дома, из которого всегда бежал.

Он мысленно перенес себя к двери, сдвинул ручку и вошёл. Медленно прошёлся по коридору.

Где-то далеко шуршали бумаги.

Он всё шел.

За светом лампы он точно увидел знакомый женский силуэт, склонившийся над письмом.

Подойдя, он обнял её и с глазами полными слёз улыбнулся.